

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

14 января 2020 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И.Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.Е.Ефимова,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин А.Е.Ефимов оспаривает конституционность статьи 109 УПК Российской Федерации, регламентирующей сроки содержания под стражей и порядок их продления судом.

А.Е.Ефимов был задержан 6 марта 2018 года по подозрению в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, в рамках расследования уголовного дела, возбужденного 5 марта 2018 года следственным отделом по городу

Всеволожску следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области и соединенного в одно производство с рядом других уголовных дел. Постановлением Всеволожского городского суда от 9 марта 2018 года в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок применения которой неоднократно продлевался судом (вплоть до 12 месяцев – до 5 марта 2019 года). В удовлетворении ходатайства следователя об очередном продлении этого срока отказано постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 1 марта 2019 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам того же суда от 7 мая 2019 года. Суды, приняв во внимание стадию производства по делу, расследование которого фактически завершено и по которому 15 января 2019 года начато выполнение требований статьи 217 УПК Российской Федерации об ознакомлении обвиняемого и его защитников с материалами дела, пришли к выводу, что обстоятельства, учтенные при избрании и предыдущих продлениях срока содержания под стражей, существенно изменились и утратили прежнюю актуальность, а потому подлежит удовлетворению ходатайство стороны защиты об изменении меры пресечения на домашний арест.

В это же время в производстве следственного управления УМВД России по Всеволожскому району находилось другое уголовное дело, которое было возбуждено 27 февраля 2018 года по признакам преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, и расследование которого ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, было приостановлено 31 июня 2018 года на основании пункта 1 части первой статьи 208 УПК Российской Федерации, но 25 февраля 2019 года возобновлено. По подозрению в совершении данного преступления А.Е.Ефимов задержан 1 марта 2019 года, и постановлением Всеволожского городского суда от 2 марта 2019 года ему избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок которой исчислялся самостоятельно, независимо от времени содержания его под

стражей по первому делу, и неоднократно продлевался судом со ссылкой в числе прочего на наличие у А.Е.Ефимова двойного гражданства, нескольких паспортов иностранных государств, его способность оказать воздействие на свидетелей с целью изменения их показаний. Доводы стороны защиты о необходимости учитывать при разрешении вопросов о мере пресечения время содержания А.Е.Ефимова под стражей по другому уголовному делу отвергнуты, и указано на самостоятельное исследование и оценку судом обстоятельств и оснований заключения под стражу по каждому делу (апелляционные постановления Ленинградского областного суда от 20 марта, 10 апреля и 24 июля 2019 года).

Как утверждается в жалобе, статья 109 УПК Российской Федерации не соответствует статье 22 Конституции Российской Федерации, поскольку содержит неопределенность в части установления срока содержания под стражей обвиняемого, чье уголовное преследование осуществляется в рамках двух и более уголовных дел. Такой дефект оспариваемой статьи влечет, по мнению заявителя, нарушение требования ее части второй о недопустимости превышения предельного (12 месяцев) срока данной меры пресечения.

2. По смыслу статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии. Названное право, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением задержания, ареста, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований и вне надлежащей процедуры, а также сверх установленных либо контролируемых сроков (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 марта 2002 года № 6-П и от 22 марта 2005 года № 4-П; определения от 23 июня 2000 года № 175-О, от 8 апреля 2004 года № 132-О и др.). Это отвечает требованиям как

статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных ею целях, так и международно-правовых актов, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение (пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, а также основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предполагают, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в уголовном процессе, – вне зависимости от того, на какой его стадии принимаются решения о ее применении, – должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями справедливости и соразмерности такого ограничения, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или исходя из одних лишь формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для соответствующих решений обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. При этом конкретные границы контролируемых судом сроков содержания под стражей непосредственно Конституцией Российской Федерации не устанавливаются и не являются обязательным условием обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность и его судебной защиты, а определяются законодателем с учетом их разумности, недопустимости возложения на подозреваемого, обвиняемого обременений на неопределенное или слишком долгое время и имея в виду требования эффективной реализации публичных функций и процессуальной экономии (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 года № 23-П,

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2016 года № 1436-О).

3. Конкретизируя положения Конституции Российской Федерации применительно к такой мере пресечения, как заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания ее применения и подлежащие учету при ее избрании обстоятельства (статьи 97, 99, 100 и 108), устанавливает сроки содержания под стражей и порядок их продления в досудебном производстве (статья 109), закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного данным Кодексом (часть вторая статьи 10).

Согласно статье 109 данного Кодекса содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть первая); при невозможности закончить предварительное следствие в указанный срок он может быть продлен до 6 месяцев; дальнейшее продление срока до 12 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела (часть вторая), а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев (часть третья); дальнейшее продление пребывания под стражей, по общему правилу, не допускается, чем предопределяется обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого (часть четвертая). В соответствии с частью восьмой названной статьи судья на основании оценки приведенных в ходатайстве о продлении срока содержания под стражей мотивов, а также с учетом правовой и фактической сложности материалов уголовного дела, общей продолжительности досудебного производства по нему, эффективности действий органов предварительного расследования и своевременности производства следственных и иных процессуальных действий принимает в порядке, предусмотренном частями четвертой, шестой,

восьмой и одиннадцатой статьи 108 данного Кодекса, решение либо о продлении срока содержания под стражей на определенный срок (пункт 1), либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя и освобождении обвиняемого из-под стражи (пункт 2).

Повторное обращение в суд с ходатайством о заключении под стражу одного и того же лица по тому же уголовному делу после вынесения судьей постановления об отказе в избрании этой меры пресечения возможно в силу части девятой статьи 108 данного Кодекса лишь при возникновении новых обстоятельств, обосновывающих необходимость заключения лица под стражу. В соответствии с этим частью двенадцатой статьи 109 данного Кодекса определен для такого рода ситуаций порядок исчисления сроков содержания под стражей, согласно которому в случае повторного заключения под стражу по тому же уголовному делу, а равно по соединенному с ним или выделенному из него уголовному делу срок содержания под стражей исчисляется с учетом времени, проведенного подозреваемым, обвиняемым под стражей ранее.

Приведенные законоположения устанавливают процессуальные гарантии от избыточного и несоразмерного содержания под стражей на досудебной стадии уголовного процесса, которые распространяются как на случаи повторного избрания этой меры пресечения в отношении одного и того же лица по тому же уголовному делу, так и на случаи исчисления сроков содержания под стражей по соединенному с ним или выделенному из него делу, т.е. при условии официального подтверждения органом предварительного расследования связи существования нескольких дел посредством принятия решений об их соединении или выделении.

Вместе с тем установленный статьей 108 данного Кодекса порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу не содержит ограничений на ее применение по новому уголовному делу, возбужденному в отношении того же лица по признакам другого преступления, не совпадающего по фактическому составу – в силу недопустимости отступления от принципа *non bis in idem* – с деяниями, вменяемыми в вину по ранее

возбужденному и оконченному расследованием уголовному делу, а статья 109 данного Кодекса, закрепляющая порядок исчисления сроков содержания под стражей, не включает положений, определяющих совокупный предельный срок (совокупную продолжительность) содержания под стражей лица, обвиняемого в совершении нескольких преступлений, если уголовные дела о них не соединены в одно производство и ни одно из таких дел не выделено из другого. Это обусловлено тем, что мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, не будучи мерой ответственности в уголовно-правовом смысле, относится к мерам уголовно-процессуального принуждения, имеющим собственные легитимные основания, наличие которых придает необходимую правомерность существенным правоограничениям, налагаемым на лицо, еще не признанное виновным в совершении преступления приговором суда, в целях обеспечения посредством правосудия защиты значимых для общества ценностей.

В силу уголовно-процессуальных норм, регламентирующих в своей взаимосвязи применение мер пресечения, избрание заключения под стражу, равно как и продление срока содержания под стражей возможны лишь при наличии указанных в статье 97 данного Кодекса достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также при необходимости обеспечить исполнение приговора или возможную выдачу лица иностранному государству. Соответствующие решения принимаются судом в рамках производства по конкретному уголовному делу, имея целью создать надлежащие условия для осуществления производства именно по данному делу, пределы которого определяет инкриминируемое лицу деяние, и выносятся, если суд считает, что это лицо будет нарушать свои обязанности (скроется, уничтожит доказательства и др.). Следовательно, применение судом в качестве меры пресечения заключения под стражу или замена ею ранее

избранной меры пресечения возможны только в связи с установлением обстоятельств, свидетельствующих о наличии законных оснований для этого и указывающих на недостаточность предшествующих мер (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 года и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 года № 92-О). При этом не могут не учитываться и изменения в отношении лица к исполнению своих обязанностей, вызванные предъявлением обвинения (выдвижением подозрения) в совершении другого преступления в рамках вновь возбужденного уголовного дела.

Таким образом, статья 109 УПК Российской Федерации предполагает принятие судом решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей, в том числе до предельного, на основе общих для всего уголовного судопроизводства положений статей 97, 99, 108 и 109 данного Кодекса, которые подлежат единообразному применению по каждому из отдельно расследуемых в отношении одного и того же лица дел, не требуя при этом учитывать по правилам части двенадцатой статьи 109 данного Кодекса время, проведенное им под стражей по ранее возбужденному уголовному делу, при определении срока содержания под стражей по новому делу в случае раздельного производства по ним. Иной порядок, предполагающий совокупное исчисление времени содержания лица под стражей по уголовным делам, которые не соединены в одно производство и ни одно из которых не выделено из другого, приводил бы к взаимозависимости решений об избрании и продлении этой меры пресечения, что, вопреки основаниям и условиям ее избрания, вело бы к игнорированию общественной опасности инкриминированного по новому делу преступления и прочих значимых обстоятельств, диктующих необходимость ограничения свободы данного лица. Тем самым ставились бы под угрозу ценности, для защиты которых избирается мера пресечения.

3.1. Одним из процессуальных средств формирования пределов и изменения объема производства по уголовному делу посредством его расширения либо сужения в стадии предварительного расследования и на

предварительном слушании в суде первой инстанции является соединение или выделение уголовных дел (статьи 153, 154, 239¹ и 239² УПК Российской Федерации).

Согласно статье 153 УПК Российской Федерации в одном производстве могут быть соединены в том числе уголовные дела в отношении одного лица, совершившего несколько преступлений (пункт 2 части первой), а также уголовные дела в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц (часть вторая). Принятие такого решения призвано не только обеспечить всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела в разумный срок без неоправданной задержки, но и содействовать эффективному осуществлению правосудия по уголовным делам за счет процессуальной экономии, связанной с возможностью одновременного расследования сразу нескольких преступных деяний, совершенных одним лицом, чем предопределяются особенности исчисления как сроков производства по делу, образовавшемуся в результате соединения нескольких уголовных дел (часть четвертая статьи 153 данного Кодекса), так и сроков содержания под стражей по такому делу (часть двенадцатая статьи 109 данного Кодекса).

Однако само по себе выявление новых эпизодов криминальной деятельности одного и того же лица, которые могут быть связаны либо не связаны с расследуемыми в его отношении преступными деяниями по различным объективным и субъективным признакам, не влечет автоматического соединения уголовных дел. В частности, они могут не соединяться в одно производство по той причине, что отдельные деяния расследуются разными органами по месту их совершения или совместное расследование преступлений (не являющихся однородными и совершенных с большим разрывом во времени) может привести к такой длительности производства по делу, когда к его окончанию истечет срок давности уголовного преследования по первоначальному делу, расследование которого тем самым становится бессмысленным. Поэтому соединение

уголовных дел выступает проявлением дискреционного усмотрения осуществляющих производство по делу должностных лиц и органов, определяющих, имеются ли основания для соединения, обеспечит ли оно в конкретном случае решение задач уголовного судопроизводства и защиту прав и законных интересов участников процесса, и решающих данный вопрос, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, с учетом всех обстоятельств, включая доводы, приводимые сторонами в обоснование своей позиции. При этом Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что раздельным рассмотрением уголовных дел не нарушаются право на защиту и право на разрешение дела законным судом, поскольку они обеспечиваются обвиняемому по каждому из дел (определения от 16 марта 2006 года № 61-О и от 26 мая 2016 года № 1098-О). Сказанное в равной мере относится и к процедурам избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу по раздельно расследуемым и рассматриваемым уголовным делам.

Следовательно, ни пункт 3 части второй статьи 38 данного Кодекса, уполномочивающий следователя по находящемуся в его производстве уголовному делу самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий (за исключением случаев, когда в соответствии с законом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа), ни пункт 2 части первой статьи 153 данного Кодекса, предоставляющий возможность соединения в одном производстве уголовных дел в отношении одного лица, совершившего несколько преступлений, не предполагают, что следователь действует по своему произвольному усмотрению. Учитывая же позицию Конституционного Суда Российской Федерации о том, что при решении вопросов, связанных с заключением под стражу, суд должен исследовать фактические и правовые основания для избрания или продления этой меры пресечения при обеспечении лицу возможности довести до суда свою позицию, с тем чтобы такие вопросы не могли решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд мог бы самостоятельно

оценить обстоятельства, приводимые как стороной обвинения, так и стороной защиты (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 10 декабря 1998 года № 27-П и от 22 марта 2005 года № 4-П), и принимая во внимание взаимосвязь части двенадцатой статьи 109 и статьи 153 данного Кодекса, суд вправе при избрании этой меры пресечения дать оценку также законности и обоснованности проведения отдельного предварительного расследования соответствующих уголовных дел.

Судебные механизмы, используемые для защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применяется заключение под стражу, не исключают и возможность обжаловать в порядке статьи 125 данного Кодекса решение осуществляющих производство по делу должностных лиц и органов об отказе в соединении уголовных дел, если такой отказ будет признан способным причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, в частности если он повлиял или может повлиять на решение об избрании этой меры пресечения или продлении ее сроков.

3.2. Рассматривая вопрос о продлении срока содержания под стражей, суд исходит из анализа всего комплекса фактических обстоятельств и нормативных оснований применения этой меры пресечения, которые являются едиными для всего уголовного судопроизводства, оценивает достаточность представленных сторонами материалов для принятия законного и обоснованного решения и определения того, какие именно сведения свидетельствуют о наличии предусмотренных статьей 97 УПК Российской Федерации оснований для применения меры пресечения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 14-П и от 22 марта 2005 года № 4-П).

При этом данный Кодекс, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2015 года № 23-П, содержит средства правовой защиты – как превентивного, так и компенсаторного характера – от произвольного или несоразмерно

длительного содержания под стражей при осуществлении уголовного судопроизводства. К ним относятся сокращенный срок подачи и рассмотрения жалобы на судебные решения, связанные с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу (часть одиннадцатая статьи 108), право обвиняемого и его защитника в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство об отмене или изменении меры пресечения (статьи 47, 53 и 119–122), зачет времени содержания под стражей при определении общего срока назначенного судом наказания (пункты 5 и 9 части первой статьи 308), право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 данного Кодекса, в случае незаконного применения мер процессуального принуждения, включая меры пресечения, даже если органом предварительного расследования или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого (части третья и пятая статьи 133; пункты 4 и 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»), а также возможность присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по основаниям и в порядке, которые закреплены Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и статьей 6¹ данного Кодекса.

4. Таким образом, статья 109 УПК Российской Федерации сама по себе не может расцениваться как нарушающая права заявителя в указанном в его жалобе аспекте. Ставя вопрос о ее конституционности, он, по существу, выражает несогласие с решениями судов об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу, предлагая Конституционному Суду Российской Федерации оценить их законность и обоснованность, а также правомерность бездействия органов уголовного преследования, выразившегося в

несоединении возбужденных в отношении него уголовных дел в одно производство.

Между тем вопросы соединения дел не входят в предмет регулирования оспариваемой нормы, а из правоприменительных решений, связанных с избранием и продлением А.Е.Ефимову меры пресечения в виде заключения под стражу, следует, что судами не установлено каких-либо обстоятельств, свидетельствующих о неэффективной организации предварительного расследования и неоправданном затягивании проведения конкретных следственных действий по уголовному делу (постановление Всеволожского городского суда от 17 июня 2019 года и апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 24 июля 2019 года). Проверка же того, имелись ли объективные предпосылки для изменения пределов судопроизводства путем соединения уголовных дел в отношении заявителя, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 6-О

В.Д.Зорькин